

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ**

Этнос и среда обитания

Том 1

**Сборник этноэкологических
исследований
к 85-летию В.И. Козлова**

Под редакцией
Н.И. Григулевич, Н.А. Дубовой (отв. редактор),
А.Н. Ямскова

Москва, 2009

УДК 39+504.75+572

ББК 63.5

Э91

Редакционная коллегия серии:

М.Н. Губогло (гл. ред.), Н.А. Дубова, Г.А. Комарова,

Л.В. Остапенко, И.А. Субботина

Э 91 Этнос и среда обитания. Том. 1. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова – Ред. Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков – М.: Старый сад, 2009. – 312 стр.

ISBN 5-89930 -125-2

В сборнике представлены исследования, посвященные различным проблемам этнической экологии, этнической демографии и экологии человека, являющиеся продолжением и развитием идей выдающегося отечественного ученого Виктора Ивановича Козлова. Обсуждаются вопросы соотношения природного и культурного ландшафта, межэтнических взаимодействий в г. Москве и в Самурзакани, сакрализации окружающей среды, влияния глобальных изменений климата на культуру народов, состояния здоровья современного населения, и, в частности, детей в зависимости от загрязнения окружающей среды, проблемы, связанные с употреблением алкоголя, и др.

Редколлегия не разделяет некоторые положения, высказанные в статьях данного сборника.

ISBN 5-89930 -125-2

УДК 39+504.75+572

ББК 63.5

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2009

© Коллектив авторов, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ 9

РАЗДЕЛ 1.

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В.И. КОЗЛОВА В РАЗЛИЧНЫХ
НАПРАВЛЕНИЯХ НАУКИ XXI В. 19

Губогло М.Н.

Этнические качели. Проблемы смещения
этнической специфики с материальной
в духовную сферу и обратно 20

Калуцков В.Н.

О ландшафтных перспективах этнической экологии
(по работам В.И. Козлова)..... 32

Маликова Н.Р.

Этническая экология и социология:
интеграция методологии 45

Ямсков А.Н.

Трактовки понятия «жизнеобеспечение»
в этнической экологии и возможный подход
к изучению культурной адаптации 73

РАЗДЕЛ 2.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ.....95

Алексеева Н.Н.

Соотношение природных и этнокультурных рубежей
(на примере Индии) 96

Дробышев Ю.И.

Сакрализация окружающей среды
в традиционной культуре Монголии и Японии113

Красовская Т.М.

Современная динамика границ
культурных ландшафтов аборигенов Севера.....128

Лопуленко Н.А.

Народы Севера в условиях глобальных
природно-климатических изменений139

Соловьева Л.Т.

Этнокультурное взаимодействие
и религиозные традиции:
юго-восточная Абхазия в XIX – начале XX вв.....241

Ситнянский Г.Ю.

Евразийские скотоводы перед выбором.
Проблемы модернизации традиционного
скотоводства киргизов259

Бойко И.А.

Культура заготовки сена

в Словацких и Украинских Карпатах

(этноэкологический аспект)281

**ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ»
В ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ И ВОЗМОЖНЫЙ ПОДХОД
К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ**

Существование в отечественной научной традиции трёх принципиально разных пониманий содержания понятия «жизнеобеспечение» и производных от него в исследованиях по этноэкологической тематике, само по себе делает необходимой попытку разобраться в причинах такого не столь уж частого явления, то есть очевидного терминологического разноречия в работах выдающихся учёных С.А. Арутюнова, В.И. Козлова и И.И. Крупника. Ещё более важной и неотложной задачей является оценка основных достоинств и недостатков каждой из этих существенно различающихся между собой трактовок «жизнеобеспечения». Последнее требуется для создания внутренне непротиворечивых методологических основ этнической экологии и, в частности, для оптимальной формулировки исследовательских задач, встающих при изучении культурной адаптации местных сообществ к условиям окружающей физико-географической и социально-культурной среды. Как будет показано ниже, именно предложенное некогда профессором В.И. Козловым понимание содержания термина «жизнеобеспечение» оказалось весьма востребованным современными исследователями и, видимо, представляет собой один из его наиболее значимых в научно-теоретическом отношении вкладов в развитие этнической экологии.

О последнем стоит сказать подробнее. Так, большинство специалистов-этноэкологов справедливо связывают имя В.И. Козлова прежде всего с его программной статьёй, в которой им был введён в науку сам термин «этническая экология», дано определение этого междисциплинарного научного направления и его основных задач (Козлов, 1983). Действительно, это было принципиально важное событие, с которого, собственно говоря, и можно отсчитывать историю полноправного существования данной области исследований (Ямсков, 2006а, с. 153). Определённую роль в дальнейшем развитии этнической экологии в нашей стране сыграло также то, что В.И. Козлов в 1981 г. организовал Сектор этнической экологии в Институте этнографии АН СССР (с

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

1990 г. – Институт этнологии и антропологии РАН, далее – ИЭА РАН)¹. Под его научным руководством и при самом активном личном участии на базе этого подразделения ещё в советский период были осуществлены два крупномасштабных исследовательских проекта в Закавказье. Это были изучение феномена популяционного долгожительства у абхазов (Абхазское долгожительство, 1987) и азербайджанцев (Долгожительство в Азербайджане, 1989) и адаптации русских крестьян-старожилов (молокан и духоборцев – переселенцев середины XIX в. из районов Центрального Черноземья) в регионе Восточного Закавказья с новыми для них природными условиями и этнокультурным окружением (Русские старожилы ..., 1995).

Правда, говоря об этих бесспорных заслугах В.И. Козлова в создании и развитии этнической экологии, не стоит забывать, что ещё до появления его указанной выше статьи в отечественной науке уже были выполнены конкретные и чрезвычайно важные в научном отношении исследования в русле «этноэкологического подхода», посвящённые детальному анализу отдельных «этноэкологических систем» (Крупник, 1977, с. 4-5; см. подробнее: Крупник, 1989). Также в предшествовавший период времени были опубликованы и обобщённые рассуждения о задачах и перспективности изучения «этноэкологических систем» (Бромлей, 1981, с. 254). Впрочем, названные выше работы И.И. Крупника и Ю.В. Бромлея в методологическом отношении, конечно, являлись реализацией на практике и дальнейшим развитием идей, заложенных в концепции антропогеоценоза В.В. Алексеева (Алексеев, 1975; Алексеев, 1984; см. также: Ямсков, 2006а).

Сам В.И. Козлов в докладе на Научной сессии, посвященной памяти академика Ю.В. Бромлея (Институт этнологии и антропологии РАН, 27 февраля 2001 г.), связал начало собственно этноэкологических исследований в нашей стране с появлением методологически очень важной работы С.А. Арутюнова (1980), в которой тот достаточно подробно раскрыл вопросы культурной

1 В.И. Козлов возглавлял Сектор этноэкологии ИЭ АН СССР / ИЭА РАН в 1981–1992 гг. В 1992–1998 гг. коллектив существовал в виде Группы этноэкологии и этнодемографии ИЭА РАН; в 1998–2005 гг. – вновь как Сектор этноэкологии (руководитель – А.Н. Ямсков), с 2005 г. – снова как Группа этноэкологии в составе созданного тогда же Центра междисциплинарных исследований ИЭА РАН (руководитель Группы – Н.А. Дубова).

адаптации этносов и, в частности, ввёл понятия экофобных и экофильных культурных традиций, и вышеупомянутой статьи Ю.В. Бромлея (1981). Однако гораздо более обоснованным всё же кажется представление о рождении этноэкологии в момент появления указанной статьи В.И. Козлова (1983). При этом важнейшими этапами её предыстории следует считать появление концепций хозяйственно-культурных типов (Левин, 1947) и антропогеоценозов (Алексеев, 1975), а также вышеназванных статей С.А. Арутюнова и Ю.В. Бромлея (см. подробнее: Ямсков, 2006а, с. 153).

К сожалению, специалисты в области этноэкологических и смежных по тематике исследований уделяют незаслуженно малое внимание научному значению введённой В.И. Козловым трактовки термина «жизнеобеспечение» или «система жизнеобеспечения» (Козлов, 1991, с. 26, 39). Но по своему содержанию и, главное, востребованности работающими ныне в данной области учёными этот вклад профессора В.И. Козлова в этноэкологию по сути вполне сопоставим с его широко известной статьёй об этнической экологии. В частности, нередко авторы придерживаются именно его подхода к пониманию жизнеобеспечения как само собой разумеющегося, не придавая значения тому, что есть и иные теоретические подходы, а зачастую, и не ссылаясь на автора.

Рассмотрим основные черты, достоинства и недостатки различных трактовок термина «жизнеобеспечение» и производных от него, существующих в отечественной этнологии и этноэкологии.

«Культура жизнеобеспечения»

в работах С.А. Арутюнова и его коллег

Предложенное впервые в работе Ю.И. Мкртумяна (1978, с. 44) разделение всего многообразия духовных (точнее, нематериальных) и материальных (вещественных) явлений, составляющих систему традиционной культуры этноса, на четыре основных подсистемы (культура первичного производства, жизнеобеспечения, соционормативная и гуманитарная), выполняющих существенно разные функции в обеспечении его существования, довольно быстро получило значительное распространение в отечественной этнологии и культурологии. Культура жизнеобеспечения при

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

этом понимается как совокупность поселения, жилища, одежды и пищи.

Эта точка зрения разделялась большим коллективом исследователей, проводивших в 1976 и 1978 гг. полевые работы в Армении, главной целью которых был синтез этнографических и культурологических знаний и исследовательских методов в рамках «сравнительно-типологического изучения культуры жизнеобеспечения армянского села» (Маркарян, 1983, с. 8, 10). Признание того, что «культура жизнеобеспечения ... включает в себя поселение, жилище, пищу и одежду» (Маркарян, 1983, с. 8), легло в основу данного проекта. Видимо, эта точка зрения на содержание понятия «жизнеобеспечение» обрела своё наиболее полное обоснование в работах одного из руководителей указанного проекта С.А. Арутюнова и в коллективных исследованиях, подготовленных при его непосредственном участии (Арутюнов, Мелконян, 1983; Арутюнов, Мкртумян, 1984; Арутюнов, 1989).

Одной из важных частных задач того исследования было также стремление определить на практике «место и роль современного экологического анализа культуры» (Маркарян, 1983, с. 11), что вполне правомерно интерпретировать, говоря современным языком, как этноэкологическую составляющую упомянутого исследовательского проекта. Та же самая задача была объяснена участниками проекта иными словами: «... сформулировать исходные принципы экологического рассмотрения жизнеобеспечивающих систем как адаптивного механизма», понимая под этими «жизнеобеспечивающими системами» всё те же «поселение, жилище, одежду и пищу» (Арутюнов, Мкртумян, 1984, с. 21, 24). В другой своей работе С.А. Арутюнов специально отмечал, что именно в культуре жизнеобеспечения как подсистеме культуры этноса происходит «процесс экологической адаптации общества к природной среде» (Арутюнов, 1989, с. 204).

Можно также отметить, что в более поздних переизданиях своих работ по данной проблематике С.А. Арутюнов обычно употреблял именно термин «культура жизнеобеспечения» в указанном выше значении, повторяя, что «все эти явления культуры входят в принятую в этнографии традиционную типологическую категорию “материальная культура”, но не исчерпывают её и в то же время не полностью покрываются ею» (Арутюнов, 2000, с. 322, 323). Он также уточнял, что «... относясь в целом к облас-

ти материальной культуры, культура жизнеобеспечения в своей конкретной форме отражает и выражает разнообразные аспекты социальной жизни и духовной культуры...» (Арутюнов, 2000, с. 321).

Ещё одним важным моментом во взглядах С.А. Арутюнова и его коллег на понимаемую таким образом культуру жизнеобеспечения является убеждённость, что именно она является тем «звеном в огромном массиве культуры этноса, с которого удобнее всего начинать его исследование в целом». Иначе говоря, «поставив себе задачу системного анализа культуры этноса, мы должны в первую очередь изучить его культуру жизнеобеспечения» (Арутюнов, 2000, с. 321).

Итак, в данной трактовке «культура жизнеобеспечения» (поселение, жилище, пища, одежда) понимается как одна из четырёх основных подсистем в культуре этноса, выполняющая важнейшие адаптивные функции «обеспечения людей первично необходимыми средствами поддержания их жизни» (Арутюнов, 1989, с. 202). Более того, именно с неё желательно начинать изучение культуры той или иной этнической группы, в том числе в рамках этноэкологического исследования, которое по определению нацелено на раскрытие тех или иных аспектов культурной адаптации изучаемого населения.

Однако подобная трактовка жизнеобеспечения вызывает целую серию достаточно обоснованных критических замечаний.

Во-первых, как впоследствии убедительно показал В.И. Козлов, «не хлебом единым жив человек» и потому жизнеобеспечение просто невозможно понять, изучая лишь обеспечение его кровом, пищей и одеждой (Козлов, 2005, с. 20, 24-25), даже со всеми их «художественно-эстетическими, престижно-знаковыми» и тому подобными атрибутами, о которых говорил С.А. Арутюнов (1989, с. 203). Об этом, впрочем, речь подробнее пойдёт ниже, в разделе о взглядах самого В.И. Козлова на истинное содержание данного понятия.

Во-вторых, идея о том, что трактуемая таким образом культура жизнеобеспечения наиболее полно отражает «процесс экологической адаптации общества к природной среде» (Арутюнов, 1989, с. 204) и что отчасти благодаря этому, а также в силу ряда других причин именно она должна стать отправным пунктом в изучении отдельной культуры этнологами и этноэкологами,

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

тоже не выдерживает критики. Кстати, сам же С.А. Арутюнов утверждает обратное: «Бесспорно, что культура первичного производства выступает здесь определителем общетипологических характеристик системы этнической культуры в целом» (Арутюнов, 1989, с. 202). С этим трудно спорить, равно как и с тем, что как раз хозяйственная деятельность, или «первичное производство», в конечном счёте определяет адаптацию сообщества к условиям окружающей среды. В силу этого фактора, а также отмеченной самим С.А. Арутюновым определяющей роли хозяйства в культуре, этнологам и этноэкологам лучше всё же начинать свои исследования культуры местного сообщества с хозяйства (способов обеспечения средствами существования), а не с пищи – одежды – жилища – поселения, если, конечно, они хотят изучить эту культуру в целом или в её основных проявлениях.

В-третьих, как мне уже доводилось отмечать, в единый ряд экологических функций обеспечения и регулирования энергетических связей организма человека с окружающей средой, выполняемых пищей, одеждой и жилищем, никак не вписывается поселение. Поэтому его логичнее рассматривать в качестве составной части «культуры природопользования и расселения», близкой по содержанию «культуре первичного производства» и объединяющей в себе хозяйственную деятельность и систему расселения (Ямсков, 2004, с. 39-40).

Вообще следует заметить, что в рамках обсуждаемого подхода С.А. Арутюнова и его коллег к выделению основных подсистем в культуре полностью игнорируется атрибуция такой ее важнейшей части, как «культура расселения», неразрывно связанная именно с хозяйственной деятельностью. Речь идёт о той составляющей культуры, которая определяет, как именно данное сообщество организует использование своей освоенной территории. В случае оседлого населения имеется в виду размещение на ней жилых и хозяйственных построек и планировка усадеб, прокладка дорог и троп между используемыми хозяйственными угодьями, и т.д. В случае же неоседлого населения – отнюдь не менее сложный комплекс знаний, умений, орудий труда, определяющий практику выбора времени и маршрутов передвижений по освоенной территории и локализации и обустройства на ней временных стоянок. Очевидно, что постоянное «поселение» является лишь частным проявлением этой сферы культуры, характерным толь-

ко для оседлых или частично оседлых групп населения (см. подробнее: Ямсков, 2004).

С другой стороны, переход от прежнего разделения культуры на материальную и духовную к выделению в ней четырёх основных компонентов или подсистем, каждая из которых выполняет принципиально разные функции в жизни людей и при этом представлена как материальными, так и нематериальными явлениями, был, несомненно, огромным шагом вперёд в развитии этнологии, значение которого трудно переоценить. Возможно также, что для различного рода сравнительно-типологических этнологических исследований предложенное С.А. Арутюновым с коллегами понимание «культуры жизнеобеспечения» является приемлемым.

Но последний вывод вряд ли можно сделать применительно к этноэкологическим исследованиям – в этой области науки имеет смысл существенно скорректировать восходящие к работам С.А. Арутюнова и его соавторов обозначение и содержание понятия «жизнеобеспечение». В первую очередь в используемом термине следует внятно отразить полный отказ от каких-либо претензий на раскрытие через него всей сложности процессов жизнеобеспечения отдельных групп населения. Видимо, при проведении характерных для этноэкологии исследований процессов и результатов культурной адаптации, целесообразнее говорить о «культуре материального жизнеобеспечения» (в составе триады пища – одежда – жилище) и «культуре природопользования и расселения» (включая в последнее и поселение как его частный случай), а также о соционормативной и гуманитарной культуре. Это предложение я уже пытался ранее обосновать в более развернутом виде (Ямсков, 2004; Ямсков, 1999, с. 111).

**«Система жизнеобеспечения»
в исследованиях И.И. Крупника**

Оригинальная трактовка жизнеобеспечения появилась в работах И.И. Крупника (1977, 1989), посвященных детальному, выполненному на основе полевых материалов анализу этноэкологическим морских охотников Субарктики (эскимосов Чукотки) и кочевых оленеводов тундры (ненцев и оленных чукчей). В своей обобщающей монографии он объясняет введение данного понятия реакцией на соответствующие идеи С.А. Арутюнова (хотя

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

по существу принципиально с ним расходится) и, с другой стороны, необходимостью поиска некоего эквивалента для широко используемого американскими авторами термина *subsistence*, хотя последний имеет, с его точки зрения, существенно более узкое содержание (Крупник, 1989, с. 14-15). Указанное английское слово, вероятно, можно очень условно перевести как жизнеобеспечение, хотя гораздо более точное его значение – средства к существованию, или обеспечение средствами существования.

В зарубежном аналоге отечественной этноэкологии, то есть в экологической антропологии или в культурной экологии (см. подробнее: Козлов, Ямсков, 1989), есть целая серия производных терминов. Это, например, *subsistence systems*, или различные системы обеспечения средствами существования у «охотников-собирателей, скотоводов, традиционных земледельцев» (Moran, 1982, p. 42); *subsistence activities*, или виды деятельности по обеспечению средствами существования, такие как «выпас скота, выращивание культивируемых растений» (Netting, 1986, p. 44); *subsistence techniques*, или способы обеспечения средствами существования, такие как «собирачество, охота, рыболовство, скотоводство, подсечно-огневое земледелие» и т.д. (Ellen, 1989, p. 125) и некоторые другие.

Краткий экскурс в терминологию зарубежных эколого-антропологических исследований и в тонкости перевода нужен был лишь для того, чтобы показать, что в оригинале данное понятие и производные от него отражают прежде всего отрасли природопользования или виды хозяйственной деятельности, но отнюдь не специфику одежды, поселений и жилищ или даже пищи в смысле блюд и кулинарных технологий, как то призван делать отечественный термин «жизнеобеспечение» в трактовке С.А. Арутюнова. В сущности, американские и другие западные коллеги создали понятие *subsistence systems*, или «системы обеспечения средствами существования», весьма близкое к отечественному «хозяйственно-культурному типу» (Левин, 1947; Левин, Чебоксаров, 1955), но только с ещё более выраженным акцентом на хозяйственную составляющую.

Сам И.И. Крупник предложил следующее исчерпывающее определение понятия «система жизнеобеспечения»: «... взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации,

традиций потребления и распределения, т.е. экологически обусловленных форм социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счёт ресурсов конкретной среды обитания» (Крупник, 1989, с. 15). Как мы видим, такое толкование жизнеобеспечения и, главное, само содержание пионерной монографии И.И. Крупника, показывают, что он охватывает этим понятием отнюдь не только «культуру жизнеобеспечения» в понимании С.А. Арутюнова и его последователей, но также полностью включает в него «первичное производство» и многие составляющие «соционормативной культуры».

Подход И.И. Крупника принципиально отличается значительно большей широтой и от исследований зарубежных учёных, занимавшихся изучением преимущественно природопользования, организации хозяйственной деятельности и производства продуктов питания в рамках так называемых *subsistence studies* (исследований производства средств существования). При этом в последних обычно не углубляются в такие сюжеты, как приготовление отдельных блюд, составление повседневных или праздничных и иных рационов, организация приёма пищи при различных обстоятельствах в семьях и коллективных застольях и в тому подобные вопросы, которые, как правило, рассматриваются в рамках отечественных исследований пищи как важнейшего компонента культуры.

Попробуем проанализировать подробнее различия во взглядах И.И. Крупника и С.А. Арутюнова и их возможные причины. Прежде всего, первый уже не говорит об «этносе» в целом и о его жизнеобеспечении, но анализирует вещественные и энергетические связи отдельных местных сообществ (жители эскимосского посёлка, члены кочевой общины оленеводов) с окружающей средой (в первую очередь – с биотой), проходящие в основном через пищевые цепи. В данном случае И.И. Крупник фактически продолжает и творчески развивает подход к анализу функционирования конкретных экосистем, включающих в себя человеческие сообщества (общины, совместно использующие природные ресурсы освоенных и контролируемых ими территорий), через моделирование пищевых цепей и количественную оценку объёмов проходящей по ним энергии и биомассы.

Первопроходцем в этой области был американский учёный Рой Раппапорт, один из создателей методологии экологической

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

антропологии, работавший в начале 1960-х гг. на Новой Гвинее в общине подсеčno-огневых земледельцев Тсембага (Rappaport, 1984). У него были и последователи, выполнившие подобные исследования в американской Арктике и в Гренландии. В теоретическом плане И.И. Крупник также прямо использует и разрабатывает далее основные идеи В.П. Алексеева, сформулированные в его работах об антропогеоценозах (Алексеев, 1975; Алексеев, 1984).

Таким образом, реальных связей между подходами И.И. Крупника и С.А. Арутюнова к трактовке понятия «жизнеобеспечение» практически нет, исключая лексическое сходство используемых терминов. Первый является реальным продолжателем исследований американских эколого-антропологов, работавших именно в таком ключе, и создателя концепции антропогеоценоза В.П. Алексеева. Вероятно, с точки зрения развития методологии этнической экологии, основным вкладом И.И. Крупника можно считать выраженный акцент на общие эколого-демографические характеристики изучаемых групп населения в их взаимосвязи с варьирующей год от года эффективностью хозяйственной деятельности. В частности, он тщательно анализировал численность и плотность населения, темпы его прироста или убыли, среднюю продолжительность жизни и смертность по отдельным возрастным когортам. Также следует отметить, что И.И. Крупник обоснованно уделял первостепенное внимание тем аспектам соционормативной культуры, которые выполняют прямые адаптивные функции, то есть определяют взаимодействия между членами местного сообщества в процессе добычи либо производства и распределения пищевых и иных ресурсов.

Однако в действительности монография И.И. Крупника (1989) явилась прежде всего непревзойдённым примером нахождения, систематизации и анализа поистине огромного массива количественных данных по экологическим аспектам хозяйства, системы питания и организации домашнего быта, и именно в этом заключается её основное научное значение. К сожалению, такого рода исследования не только чрезвычайно трудоёмки и полностью зависят от наличия и полноты соответствующей информации, но и уязвимы для критики с точки зрения точности и достаточности анализируемых количественных сведений. В силу этих причин трудно предполагать, что в будущем может появиться нечто по-

добное монографии И.И. Крупника (1989). Отсюда же вытекает и главная проблема с предложенной им трактовкой понятия «система жизнеобеспечения» – при всей убедительно продемонстрированной продуктивности такого подхода практически не приходится ожидать, что это начинание будет иметь продолжение и дальнейшее развитие.

Кроме того, возникает вопрос, насколько вообще необходимо понятие «системы жизнеобеспечения» для исследований такого рода. Судя по всему, особой потребности в нём просто не существует, и именно по этой причине его прямых аналогов нет и в американских исследованиях. В монографии И.И. Крупника объектом реконструкции и анализа служит этноэкосистема и взаимосвязи между её структурными блоками, понимаемые прежде всего как вещественно-энергетические связи, то есть пищевые цепи или, например, потребности отдельных эскимосских хозяйств в жире и мясе морских млекопитающих как топливе или корме для ездовых собак. При таком подходе нет места для отвлечённых рассуждений о жизнеобеспечении, поэтому автор применяет это понятие для обозначения самых общих особенностей организации и функционирования этноэкосистем и в силу этого трактует жизнеобеспечение чрезвычайно широко.

По сути получается, что «система жизнеобеспечения» становится всего лишь синонимом выражения «характеристика структуры и функционирования этноэкосистемы». То есть термин в полном соответствии с приведенным выше детальным определением раскрывает то, из каких структурных блоков состоит этноэкосистема, какими видами хозяйственной деятельности занимаются входящие в неё люди и от каких природных ресурсов в силу этого они прямо зависят, какую продукцию они получают в своём хозяйстве и как её используют, как именно протекают в их среде демографические процессы и так далее. Но зачем тогда говорить отдельно о «системе жизнеобеспечения» изучаемой группы населения, если всё равно речь должна идти о различных особенностях структуры и функционирования той этноэкосистемы, частью которой является рассматриваемое сообщество людей?

Таким образом, подход И.И. Крупника к понятию «система жизнеобеспечения» стал не просто очень широким. Объединив в себе огромный комплекс явлений культуры и процессов (в частности, экологических и демографических), это понятие во

многим утратило свою операциональность вследствие чрезмерно расширительной и одновременно очень детальной трактовки. Парадоксально, но даже в таком виде оно при этом не охватило всех значимых материальных аспектов обеспечения жизни человека на Севере (Козлов, 2004, с. 29-30), не говоря уже об обеспечении не менее важных духовных потребностей людей. О последних, впрочем, этот автор не задумывался, сознательно ограничив себя анализом сугубо материальных сторон понимаемого таким образом жизнеобеспечения.

Для адекватной оценки перспектив дальнейшего распространения взглядов на жизнеобеспечение И.И. Крупника стоит представить себе, как они могут восприниматься в сравнении, например, с идеями С.А. Арутюнова. Так, совсем несложно догадаться, что именно и каким образом должен изучать исследователь, если перед ним встанет задача описать «культуру жизнеобеспечения» какой-либо группы населения по С.А. Арутюнову. Но вот что ему следует делать и с чего начинать свои исследования, если вдруг перед ним поставят задачу раскрыть «систему жизнеобеспечения» по И.И. Крупнику, понять гораздо сложнее. Поскольку используемый термин никак не свидетельствует о пути к решению данной задачи, это сделать будет особо сложно в том случае, если исследователь не сразу догадается, что начинать следует с моделирования этноэкосистемы, включающей соответствующую группу населения, и её основных энергетических связей с другими компонентами этой этноэкосистемы.

«Жизнеобеспечение» в трудах В.И. Козлова

Понимание жизнеобеспечения как «... удовлетворения ... социальных и биологических потребностей» человека и мысль о том, что «целесообразно учитывать две основные стороны жизнеобеспечения людей — физическую и психическую», появились уже в самой первой работе В.И. Козлова (1983, с. 8, 9) по этнической экологии. Впоследствии он посвятил этой важнейшей для него теме отдельное исследование (Козлов, 1991), многократно обращался к ней в своей монографии (Козлов, 1994, с. 70-96) и во многих других работах, частью рассматриваемых ниже.

Раскрытие представлений В.И. Козлова о содержании понятий «жизнеобеспечение» и производных от него, т.е. «структуры жизнеобеспечения» и «системы жизнеобеспечения» (Козлов,

1994, с. 63, 80), произошло в основном в рамках острой полемики со взглядами С.А. Арутюнова и И.И. Крупника. При этом В.И. Козлов, в конечном счёте, признаёт продуктивность и перспективность исследований «систем жизнеобеспечения», которые были начаты И.И. Крупником и основаны на реконструкции и количественном анализе пищевых цепей в этноэкосистеме, призывая лишь к введению существенных уточнений и дополнений в этот подход (Козлов, 1991, с. 40; Козлов, 2005, с. 22). С другой стороны, его отношение к трактовке С.А. Арутюновым жизнеобеспечения как части материальной культуры, включающей поселение, жилище, пищу и одежду, остаётся резко критическим (Козлов, 1994, с. 77-80; Козлов, 2005, с. 20).

Итак, В.И. Козлов предложил ещё более широкое, чем даже у его предшественника И.И. Крупника, толкование содержания «жизнеобеспечения», вкладывая в него все те явления и процессы в культуре, которые в итоге обеспечивают материальное и духовное благополучие изучаемой этнической группы. В частности, ещё в одной из первых своих работ по этой проблематике он подчёркивал, что «... жизнеобеспечение требует удовлетворения как биологических или “физических”, так и социально-культурных, в частности духовных потребностей» (Козлов, 1991, с. 16), а впоследствии особо отмечал важнейшую «роль духовной культуры в традиционном жизнеобеспечении» (Козлов, 2005, с. 25). Представляется, что именно акцентированное внимание к последней, то есть к духовной составляющей жизнеобеспечения, в первую очередь отличает взгляды В.И. Козлова. С его точки зрения, «можно определить “жизнеобеспечение” как процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида или группы путём адаптации к природной и социально-культурной среде обитания для обеспечения воспроизводства людей и их сообществ (в данном случае – этнических групп)» (Козлов, 1994, с. 93). Согласно В.И. Козлову, можно также говорить и о «структуре жизнеобеспечения», которая напрямую определяется структурой человеческих потребностей (Козлов, 1991, с. 16).

В подобной трактовке «жизнеобеспечения» кроются все достоинства, но и недостатки взглядов В.И. Козлова.

С одной стороны, его подход оказался на удивление практичным и легко применимым в научных исследованиях – что бы мы ни изучали в культуре отдельно взятой группы населения, это

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

будет исследованием её жизнеобеспечения, если только удастся показать, что рассматриваемые явления культуры выполняют адаптивные функции, способствуя удовлетворению каких-либо материальных или духовных потребностей людей в данных условиях их жизни. Именно эта очевидная операциональность подхода В.И. Козлова к пониманию жизнеобеспечения, видимо, и обеспечила ему достаточно широкое распространение в отечественной этноэкологии и в этнологии в целом.

Но, с другой стороны, такое крайне расширенное понимание жизнеобеспечения в сущности делает его своего рода синонимом, или почти синонимом, адаптации. Поэтому, как и в случае с позицией И.И. Крупника по тому же вопросу, возникает закономерный вопрос о том, нужно ли вообще вводить такое понятие, и если да, то зачем.

В частности, когда В.И. Козлов говорит о жизнеобеспечении как о результате адаптации, оно становится по сути синонимичным понятию «адаптированности». Так, в одной из его последних по времени выхода в свет работ сказано: «Жизнеобеспечение групп (общностей) людей достигается путём их адаптации к условиям среды обитания ...» (Козлов, 2005, с. 19). Но ведь «путём адаптации» достигается как раз адаптированность! Следовательно, при такой трактовке понятие «жизнеобеспечение» становится излишним, ибо оно дублирует понятие «адаптация (адаптированность)».

Немного сложнее обстоит дело с предложенным В.И. Козловым пониманием жизнеобеспечения как процесса, а ведь именно оно является ведущим в его системе взглядов. Правда, в основной своей части жизнеобеспечение охватывает различные процессы в сферах хозяйственной деятельности и постоянно идущего воспроизводства явлений материальной и духовной культуры, и тем самым оно тоже превращается в фактический синоним понятия адаптации как процесса (см., например: Козлов, 2005, с. 24-25). Однако в целом жизнеобеспечение как процесс несколько шире последней и потому включает в себя также различного рода феномены духовной культуры, имеющие по сути иррациональный, с экологической точки зрения, характер и потому играющие скорее дезадаптивную роль в жизни людей (Козлов, 2005, с. 26).

Видимо, наиболее важным для дальнейшего развития этноэкологических исследований следует считать то, что В.И. Козлов тес-

но увязал понятие «жизнеобеспечение», а следовательно и культурную адаптацию, с удовлетворением всего спектра потребностей человека, то есть не только материальных, но и духовных (Козлов, 1994, с. 80-94; Козлов, 2005, с. 24-26). В этноэкологических исследованиях В.И. Козлов, как и И.И. Крупник, также придаёт первостепенное значение демографическим характеристикам изучаемой группы населения, но дополняет их особенностями состояния здоровья и именно по этим медико-демографическим параметрам предлагает оценивать эффективность действия системы жизнеобеспечения в данной культуре (Козлов, 1991, с. 41).

Итак, несомненной и действительно очень существенной в методологическом отношении заслугой В.И. Козлова стали распространение понятия «жизнеобеспечения», или адаптации, на духовные аспекты жизнедеятельности людей и утверждение представлений о том, что об успешности функционирования системы жизнеобеспечения следует судить по состоянию здоровья и демографическим характеристикам изучаемой группы населения. Ещё одним и, вероятно, особенно востребованным достоинством предложенной им очень широкой трактовки жизнеобеспечения стали простота и удобство использования его подхода – при столь комплексном понимании жизнеобеспечения становится по существу невозможным даже попытаться раскрыть все или большинство его составляющих в рамках одного исследования. Поэтому в рамках такого подхода остаётся только произвольно выбрать какую-то часть элементов жизнеобеспечения для анализа, что представляется вполне разрешимой задачей.

Жизнеобеспечение в понимании других исследователей

Интересно посмотреть, какие именно взгляды на трактовку понятия «жизнеобеспечение» оказались в итоге наиболее востребованными в исследованиях по этнической экологии. Для этого стоит обратиться к работам только тех учёных, которые явно не входят в число учеников, коллег и последователей авторов соперничающих представлений о содержании этого понятия. Кроме того, из нижеследующего краткого обзора исключены все публикации по этноэкологии, появившиеся в серии тематических сборников Сектора / Группы этноэкологии ИЭА РАН. Причина такого шага очевидна – основная часть авторов этих сборников была

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

представлена людьми, в профессиональном отношении так или иначе связанными с В.И. Козловым лично или же с его учениками и коллегами, а потому разделявшими в основном их идеи.

Итак, начнём с небольшого специализированного исследования историографического характера. В нём констатируется существование в отечественной этноэкологии понятия жизнеобеспечения в трактовках В.И. Козлова и И.И. Крупника и раскрыты их некоторые отличия друг от друга (Таксами, 1999, с. 15, 21-23, 25). При этом, однако, ничего не говорится о работах С.А. Арутюнова по проблематике культуры жизнеобеспечения.

В работе Г.А. Комаровой достаточно подробно и вполне нейтрально раскрыты взгляды на жизнеобеспечение, высказывавшиеся В.И. Козловым и С.А. Арутюновым с коллегами (Комарова, 2005, с. 125-127), но не И.И. Крупником. Однако когда автор переходит к характеристике собственного понимания жизнеобеспечения, применявшегося ею в ходе полевых исследований в долине реки Теча, подвергшейся радиационному загрязнению, то оказывается, что она фактически следует в этом вопросе за В.И. Козловым. Так, говоря о «системе жизнеобеспечения», она включает в неё не только хозяйство, пищу и жилище, но и «личную гигиену, способы профилактики и самолечения заболеваний», а также «этнические и конфессиональные особенности поведения» на загрязнённой радионуклидами территории (Комарова, 2005, с. 131-132). Всё это явно не соответствует представлениям И.И. Крупника или С.А. Арутюнова о содержании понятия «жизнеобеспечение», но лежит в русле соответствующих взглядов и методологических рекомендаций В.И. Козлова.

Очень показательна в этом плане также краткая статья «Этноэкология» в словаре терминов по экологии человека, которую подготовил известный отечественный учёный, профессор Б.Б. Прохоров, долгое время бывший заведующим кафедрой экологии человека на Экологическом факультете Московского независимого эколого-политологического университета. Он раскрывает содержание этноэкологии в полном соответствии со взглядами В.И. Козлова, в том числе и в отношении понятия жизнеобеспечения как центрального для этой научной дисциплины при подобном подходе (Прохоров, 2000, с. 315).

Особое значение в плане ретрансляции терминологических положений новым поколениям исследователей имеют програм-

мы университетских учебных курсов. Например, в курсе «Этническая экология», читаемом на кафедре этнологии исторического факультета МГУ, рекомендуются к изучению взгляды по обсуждаемому вопросу всех трёх рассматриваемых авторов – С.А. Арутюнова, В.И. Козлова и И.И. Крупника. В самой программе, однако, присутствуют явный акцент на связь жизнеобеспечения с «биологическими и социально-культурными потребностями человека» и рассмотрение в этом контексте в том числе и «мировоззренческих заимствований» их других этнических культур (Ларина, 2007, с. 184, 186). Всё это свидетельствует, что автор данного курса лекций в основном ориентируется на соответствующие представления В.И. Козлова.

Несколько особняком стоит работа академика В.И. Тишкова, в которой он говорит о «системах жизнеобеспечения» и связывает последние с удовлетворением «базовых биологических и социальных нужд» общества (Тишков, 2003, с. 79). Введение в контекст рассуждений о жизнеобеспечении «социальных нужд», казалось бы, может позволить предположить некоторое влияние идей В.И. Козлова, а не С.А. Арутюнова либо И.И. Крупника. Но В.А. Тишков, однако, никак не развивает это положение и далее говорит уже только о «способах жизнеобеспечения» (то есть фактически об отраслях хозяйства – охоте, собирательстве) или о «формах жизнеобеспечения» либо «системах жизнеобеспечения». Последние термины он применяет как синонимы и трактует их всецело в духе американской экологической антропологии – как *subsistence systems*, или различные системы обеспечения средствами существования, на основе которых сложились «общества охотников-собирателей», «скотоводческие общества», «аграрные общества» и т.д. (Тишков, 2003, с. 80-84). Поэтому в данном случае, скорее всего, речь идёт об оригинальных взглядах самого этого автора, по каким-то причинам не ставшего упоминать работы отечественных учёных в указанной области исследований, равно как и концепцию хозяйственно-культурных типов.

Таким образом, небольшой обзор случайно выбранных работ, затрагивающих этноэкологическую тематику, свидетельствует о гораздо большей распространённости представлений В.И. Козлова о сути понятия «жизнеобеспечение», чем его оппонентов по этому вопросу – С.А. Арутюнова или И.И. Крупника.

Понятийно-терминологический аппарат и задачи этнической экологии

Несмотря на сохраняющийся очевидный разнобой в трактовках одних и тех же либо близких по звучанию терминов из сферы этнической экологии, удачное определение которой когда-то дал В.И. Козлов (1983, с. 8) и полностью принял И.И. Крупник (1989, с. 11), уже сейчас можно наметить достаточно полную и непротиворечивую картину основных понятий и подходов к исследованиям в этой области науки.

Представляется, что *базовые понятия этнической экологии – адаптация и этноэкосистема*, а основными задачами этноэкологического исследования являются *изучение процессов и результатов культурной адаптации или особенностей функционирования этноэкосистем. Достигнутый изучаемым сообществом уровень адаптации, или адаптированность к условиям среды обитания, определяется по состоянию здоровья и демографическим особенностям этой группы населения. Задачи изучения культурной адаптации и функционирования этноэкосистемы в действительности тесно взаимосвязаны, так как сам факт достаточно длительного, то есть устойчивого существования определённой этноэкосистемы с входящим в её состав сообществом людей доказывает их в целом успешную адаптацию.*

Концепция устойчивого развития составляет одно из важнейших теоретических оснований этноэкологии (см. подробнее: Ямсков, 2006б, с. 31-39), наряду с концепциями адаптации и этноэкосистемы. Именно из неё вытекают представления о медико-демографических и иных количественных индикаторах устойчивого функционирования этноэкосистемы, то есть успешной адаптации соответствующей группы населения к физико-географическим и социально-культурным условиям окружающей среды.

Адаптация человека, как известно, является комплексным процессом, в котором биологические и культурные (иногда называемые социо-культурными) составляющие взаимосвязаны в единое целое. Однако в исследовательских целях их приходится разделять, и в этноэкологических работах требуется фокусировать внимание именно на культурной составляющей адаптации, но также принимать во внимание и важнейшие биологические аспекты этого процесса в изучаемой группе населения.

В идеале изучение этноэкосистемы предполагает моделирование и количественный анализ потоков вещества, энергии и информации, проходящих по пищевым цепям и иным каналам вещественно-энергетических и информационных связей между её основными компонентами, в первую очередь между человеческим сообществом и другими компонентами этноэкосистемы (Ямсков, 2003). Но возможен также и упрощённый вариант анализа отдельной этноэкосистемы или сопоставления этноэкосистем разных типов друг с другом, когда внимание исследователя обращено лишь на их качественные характеристики, такие как структура, сезонные вариации вещественно-энергетических связей между основными компонентами, особенности отдельных компонентов, и т.д. (см. подробнее: Ямсков, 2009).

Исследования культурной адаптации проводятся на основе представлений о традиционной культуре как единой системе, в состав которой в аналитических целях могут быть выделены такие основные подсистемы (или компоненты), как культура природопользования и расселения, культура материального жизнеобеспечения (пища – одежда – жилище), соционормативная культура и гуманитарная культура. Объектом такого исследования может быть любой из этих компонентов культуры или даже его отдельная составляющая, а предметом – адаптивные функции анализируемой части культуры либо отражение в последней природных условий освоенной территории или адаптации к ним.

Важными понятиями этнической экологии являются также экологическая ниша (Barth, 1958) и частично перекрывающийся с ней по содержанию, но далеко не совпадающий хозяйственно-культурный тип (об этом см. подробнее: Ямсков, 2005). Их изучение тоже может быть обоснованно отнесено к сфере этноэкологических исследований.

При таком подходе к основным терминам и задачам этнической экологии, общее понятие «жизнеобеспечение» по сути оказывается излишним и может использоваться лишь как метафора или практический синоним адаптации. В отличие от последней, однако, оно не имеет строгого, полного и разделяемого большинством исследователей научного определения. С другой стороны, производное от него частное понятие «культура материального жизнеобеспечения» является одной из важных составляющих

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

терминологического аппарата этноэкологических исследований, равно как и понятия, обозначающие три других основных компонента традиционной культуры.

* * *

Подводя итоги, следует сказать, что в отечественной этноэкологии и смежных областях науки ныне сосуществуют три существенно различающихся подхода к пониманию понятия «жизнеобеспечение» и производных от него, связанные с именами С.А. Арутюнова, И.И. Крупника и В.И. Козлова. Все эти выдающиеся учёные считают данное понятие методологически одним из важнейших для этнической экологии (Козлов, 1991, с. 15-16; Крупник, 1989, с. 14) или для экологически ориентированных исследований культуры (Арутюнов, 1989, с. 201-202, 204). Открыто полемизируя друг с другом, либо выдвигая и обосновывая альтернативные взгляды, перечисленные ученые в итоге заложили основы современного понятийно-терминологического аппарата и исследовательских методов этнической экологии.

Каждый из названных выше подходов имеет свои достоинства и недостатки и, главное, свою сферу оптимального применения. Однако в силу целого ряда причин, и прежде всего благодаря своей операциональности и всеохватности, наибольшее распространение в этноэкологических исследованиях получила ныне самая расширительная трактовка понятия жизнеобеспечения, представленная и обоснованная в работах профессора В.И. Козлова.

Тем не менее, гораздо более узкий и конкретизированный подход к пониманию культуры материального жизнеобеспечения, разработанный в основном усилиями профессора С.А. Арутюнова с коллегами, при условии его определенной коррекции в плане содержания и лексического оформления, представляется всё же наиболее продуктивным для изучения соответствующей составляющей процессов культурной адаптации.

Литература

- Абхазское долгожителство \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1987.
Алексеев В.П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7. С. 18-23.

Алексеев В.В. Генезис антропогеоценозов // Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984, с. 348-383.

Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР. 1980. № 12. С. 92-98.

Арутюнов С.А. Культура жизнеобеспечения и ее место в культурной динамике этноса // Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 200-229.

Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. Lewiston – Queenston – Lampeter, 2000.

Арутюнов С.А., Мелконян Э.Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) \ Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983. С. 53-60.

Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры \ Отв. ред.: М.В. Крюков, А.И. Кузнецов. М., 1984. С. 19-33.

Бромлей Ю.В. Этнические аспекты экологии человечества // Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 245-256.

Долгожительство в Азербайджане \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1989.

Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3-16.

Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика \ Ред.: Козлов В.И., Дубова Н.А., Ямсков А.Н. М., 1991. С. 14-43.

Козлов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994.

Козлов В.И. Многоаспектность этнической экологии // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова \ Ред.: Дубова Н.А., Григулевич Н.И., Лопуленко Н.А., Ямсков А.Н. М., 2004. С. 7-35.

Козлов В.И. О некоторых проблемах этнической экологии // Этноэкологические аспекты духовной культуры \ Ред.: В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М., 2005. С. 15-32.

Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде \ Ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М., 1989. С. 86-107.

Комарова Г.А. Этнический аспект экологизации гуманитарного знания // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна \ Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 2005. С. 120-153.

Крупник И.И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: К методике изучения этноэкологических систем. Автореферат дисс... канд. исторических наук. М., 1977.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.

Ларина Е.И. Этническая экология // Этнология на историческом факультете (программы курсов) \ Ред.: О.Е. Казьмина, В.В. Пименов, Т.Д. Соловей. М., 2007. С. 182-187.

Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // КСИЭ. М., 1947. Т. 2. С. 84-86.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // СЭ. 1955. № 4. С. 3-17.

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

Маркарян Э.С. Введение // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурно-логического исследования (на материалах армянкой сельской культуры) \ Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983. С. 5-16.

Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978.

Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь М., 2000.

Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1995.

Таксами Н.Ч. Экологические аспекты философской антропологии (сравнительный анализ российской и американской школ). СПб., 1999.

Тишков В.А. Системы жизнеобеспечения и историческая типология обществ // Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 79-85.

Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология // Программы по экологическим дисциплинам \ Ред.: Дмитриева В.Т., Воробьев А.Н., Ямсков А.Н. М., 1999. С. 105-126.

Ямсков А.Н. История развития концепции этноэкологии в отечественной этноэкологии и характеристики её структурных блоков // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции \ Отв. ред. Н.П. Матвеева. Вып. 2. Тюмень, 2003. С. 271-273.

Ямсков А.Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова \ Ред.: Дубова Н.А., Григулевич Н.И., Лопуленко Н.А., Ямсков А.Н. М., 2004. С. 39-60.

Ямсков А.Н. Концепция экологической ниши в этноэкологии // Вестник МГПУ. 2005. № 2 (9) – Географический выпуск. С. 48-60.

Ямсков А.Н. Значение предложенной В.П. Алексеевым концепции антропогеоэкоза для развития этнической экологии и этнологии // Эволюция. 2006а. № 3. С. 152-153.

Ямсков А.Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии \ Отв. ред. С.В. Чешко. М., 2006б. С. 10-62.

Ямсков А.Н. Этноэкология: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы. Вып. 34. «Проблемы этнической экологии» \ Ред.: Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьёва. М., 2009. С. 130-143 (в печати).

Barth F. Ecologic Relationships of Ethnic Groups in Swat, North Pakistan // AA. 1958. Vol. 58. P. 1079-1089.

Ellen R. Environment, subsistence and system: the ecology of small-scale social formations. Cambridge, 1989 (первое издание – 1982 г.).

Moran E.F. Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. Boulder, 1982 (первое издание – 1979 г.).

Netting R.M. Cultural Ecology. Second ed. Prospect Heights, 1986 (первое издание – 1977 г.).

Rappaport R.A. Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People. A new, enlarged edition. New Haven, 1984 (первое издание – 1968 г.).

Этнос и среда обитания

Том 1

Сборник этноэкологических исследований к 85-летию
Виктора Ивановича Козлова

Редколлегия:

*Надежда Иосифовна Григулевич,
Надежда Анатольевна Дубова (отв. ред.),
Анатолий Николаевич Ямсков.*

Научной издание

312 с.

Москва: Старый сад, 2009.

ISBN 5-89930 -125-2

Объем 19,5 п.л. Тираж 300 экз. Заказ 17/03-2Т.
Подписано в печать 17.03.2009. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная №1.
Типография Одинцовского гуманитарного института
143000, Московская обл., г. Одинцово,
ул. Ново-Спортивная, д. 3